

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Суббота, 15-го августа 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9764.

У Т Р О.

Передъ главнымъ корпусомъ фабрики былъ разбитъ садъ.

Тошія, мелколистная деревья, дорожки, усыпанные пескомъ, зеленые столы и скамейки, огромная клумба, обложенная пестрыми камешками, украшенная блестящими шарами.

Все это было чопорно, ярко, безвкусно. И цветы на клумбѣ росли яркие, чопорные, безъ запаха: амарантусы, георгины, настурции.

Далеко кругомъ раскинулись поля и луга, зеленѣли рощи и перелѣски, мягко круглились овраги. Рѣчка бѣжала, быстрая, свѣтлая, точно стремилась поскорѣй добѣжать до старой покрывившейся мельницы, небольшія деревушки ютились по склонамъ пригорковъ.

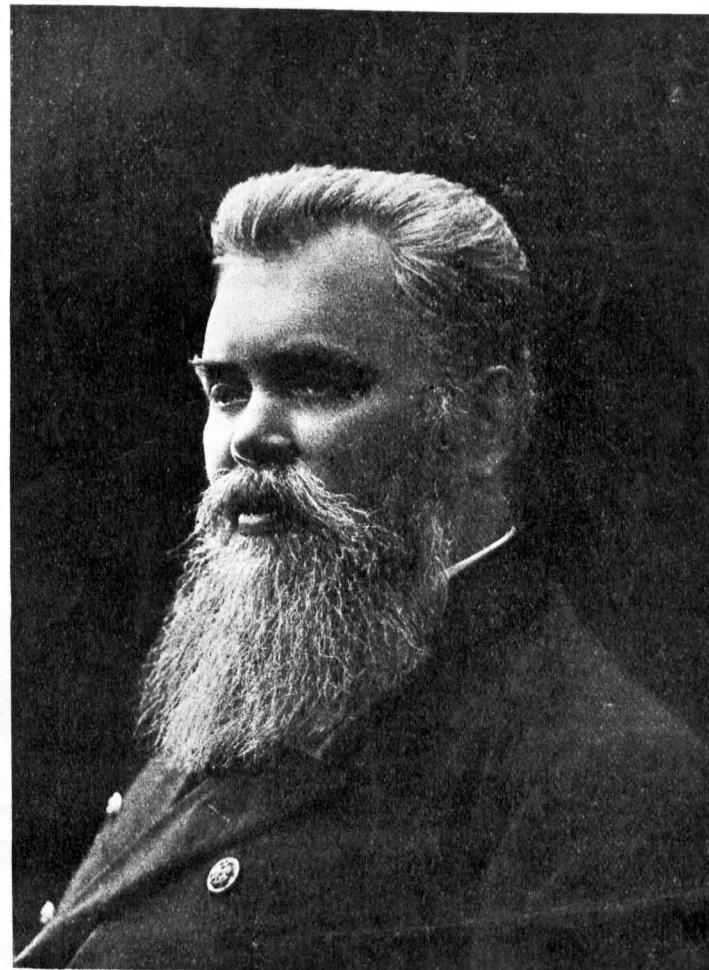
Но фабричные дамы равнодушно относились къ красотѣ деревенской природы. Дальше своего сада онѣ гулять не отваживались: боялись загорѣть, промочить ноги, боялись встрѣтить ужай, пьяныхъ мужиковъ, обжечься крапивой. И потому въ опредѣленные часы лѣтомъ въ саду собирались жены высшихъ служащихъ фабрики. Дѣти ихъ играли тутъ же, въ сторонѣ, подъ присмотромъ нянекъ, вяло разграбая и пересыпая нарочно привезенный съ рѣчки песокъ. Когда же случалось, что въ садикѣ неожиданно появлялись загорѣлые, грязные ребятишки, дѣти рабочихъ, дюжій швейцаръ,увѣшанный тусклыми медалями, хваталъ ихъ за шиворотъ.

— Куда лѣзете, сопляки? Нешто не знаете, что ваше мѣсто на черномъ дворѣ. Садъ-то для господъ, чай, удѣланъ!

Въ одно жаркое весеннее утро, когда сильно пахло молодыми листьями березы и звонко пѣли жаворонки надъ яркой зеленью, а рабочие съ нетерпѣніемъ ждали обѣденного часа, въ садикѣ вышла нарядная горничная. Проворно вытеревъ столъ, она поставила на него граненый стаканъ и холодную бутылку Виши. Слѣдомъ за ней появилась очень полная, черноволосая дама въ легкомъ, свободномъ платьѣ и съ маленькими, столовыми часами въ рукѣ. Съ озабоченнымъ видомъ налила она полстакана воды и уже собиралась ее выпить, какъ къ ней подѣжала молоденькая, худощавая блондинка въ прозрачной, розовой кофточкѣ съ короткими рукавами, обнажавшими плоскія, тонкія руки.

— Анна Ильинишина! Душечка! Какъ вы рано сегодня! воскликнула она съ напускной рѣзвостью, обнимая и цѣля полную даму.

— Нельзя, моя милая, нельзя! У меня—печень! Только и спасеніе, что въ

Ѳ. Г. Пактовскій.

Директоръ 2-й Харьковской гимназіи. По случаю исполнившагося 13 августа 25-лѣтія его педагогической дѣятельности.

строгомъ режимѣ.. А вы какъ, Софья Антиповна?

— Да неважно, знаете ли! Жоржикъ всю ночь кричалъ, спать мнѣ не даль. Няня говоритъ—желудокъ, хочетъ кастроки ему дать... Я и ушла, не выношу, когда даютъ лекарство.

Анна Ильинишина выпила Виши и, взглянувъ на часы, медленно пошла по дорожкѣ.

— Полчаса, потомъ еще полстакана и еще полчаса, тогда—кофе! со вздохомъ сказала она.

— Какъ вы можете такъ долго! Я и встать не могу, пока не выпью чашку кофе въ постели.. Къ обѣду у меня никогда аппетита нѣть, я только и живу, что кофе и чаемъ.

— Какой же можетъ быть аппетитъ въ два часа? Затѣяли наши мужья не лѣпый образъ жизни, говорять, надо примѣняться къ рабочимъ! Я ужъ своему Вячеславу Казимировичу доказывала, что это ерунда, и слышать не хочу! Теперь я устроилась такъ: въ два часа онѣ обѣдаешь, а я завтракаю, въ семь онѣ ужинаешь, а я обѣдаю... Каждый по своему вкусу.

Полный станъ Анны Ильинишины заскользился отъ смѣха, но Софья Антиповна только кисло улыбнулась на шутку директорши.

— Заперли настѣ въ этой глухи и ничего, ничего для насъ сдѣлать не

хотятъ! капризно проговорила она. Вамъ хорошо! Вы то и дѣло къ дѣтямъ въ Москвуѣздите, заграницей почти каждое лѣто бываete, а я...

— Да, не весело, не весело здѣсь, особенно такимъ молоденькимъ, какъ вы! Никакихъ развлечений! Вы бы ужъ какъ-нибудь сплотились, m esdames. Спектакли бы затѣвали, чтеніе вмѣстѣ, игры общественные...

— Развѣ это мыслимо! Всѣ въ натянутыхъ отношеніяхъ, да и Вѣра Кирилловна захочетъ во всемъ быть первымъ лицомъ. Задумаемъ спектакль, подавай ей роль самую лучшую... Съ ея фигурой, съ ея походкой!...

Директорша покосилась на окна второго этажа и, понизивъ голосъ, спросила:

— Что она? Все также? съ Вальковскимъ?

— Все также! радостно зашебетала Софья Антиповна. Даже неприлично становится. И чего мужъ смотритъ? Колпакъ онъ! Только обѣ щдѣ думаетъ. На той недѣлѣ у меня половину бабы сѣѣлъ! Не шутя! Я думала, захвораетъ...

— Это ничего! Не грѣхъ такому крупному мужчинѣ и покушать, со снисходительной улыбкой замѣтила Анна Ильинишина, любившая полакомиться. Это я охотно прощаю, но чего не выношу, это когда выпиваютъ черезъ мѣру... Нашъ милѣйший докторы! Такой симпатичный, интеллигентный, и вдругъ... Вѣдь, это ставить его на одну доску съ послѣднимъ мужикомъ... Удивляюсь, какъ Зинаида Алексѣевна не отучить его!

— Да, что вы! Она сама не прочь! Говорять, двѣ бутылки пива каждый вечеръ выпиваетъ...

— Да не можетъ быть! Такая милая женщина, музыкантша!

— На что не рѣшишься отъ скуки! Въ нашей трущобѣ нетрудно сдѣлать что-нибудь и похуже... День за день, ни удовольствія, ни разнообразія... Одно и то же... Хоть бы свадьба чья-нибудь устроилась....

— О чемъ это вы? О какой свадьбѣ? Здравствуйте, Анна Ильинишина! Какая вы сегодня интересная!

Молодая, румяная жена доктора весело пожимала руки, и оглядывалась, и охорашивалась, и оправляла свое новенькое платье, бѣлое съ голубыми горошинками.

— Да, вотъ Софья Антиповна жалуется на скуку, жалѣть, что не предвидится свадьбы...

— Гдѣ тамъ! Развѣ вы не слыхали? И послѣдняя то разстроилась. Быковъ отказался отъ Сонечки! Анонимное письмо получилось... Ему пишутъ, что у Сонечки раньше былъ предметъ, студентъ, кажется, и что это зашло далеко... далеко...

— Неужели! Ай-да Сонечка! А какой смиренницей смотритъ... Я всегда говорю: „въ тихомъ омутѣ—буря“!

— А вы знаете? У Вѣры Кирилловны опять вчера кухарка ушла.. Мнѣ черезъ стѣну все слышно. Кричали, ругались, что-то разбили... Ужасно!

Софья Антиповна весело смеялась.

— Ну-съ, теперь и присѣть можно. Половина одиннадцатаго, облегченно произнесла директорша.

— До обѣда почти четыре часа! Господи, какъ время то тянется, простонала Софья Антиповна, не знаешь, что и придумать...

— Я себѣ изъ Лодзи прѣѣхъ-курантовъ навыписывала, сказала Зинаида Алексѣвна, придутъ—вмѣстѣ посмотримъ.

— Да развѣ можно что-нибудь выписывать изъ Лодзи? Тамъ все бракъ, гнилой матеріалъ, пожала плечами директорша.

— Зачѣмъ выписывать? Такъ—посмотрѣть. Тамъ бываются модели шляпъ, фасоны юбокъ... А вы получили „Вѣстникъ модъ“ за май? Можно взглянуть?

— Съ удовольствіемъ. Когда угодно. Но, что это? Кажется, Вѣра Кирилловна.. Она и есть! Чуть не бѣгомъ...

— Какая у нея безобразная юбка! Развѣ можно при такой полнотѣ широкія полосы? Некрасиво!

— Слышали? Слышали? запыхавшись, едва переводя духъ и размахивая рукой съ бумажнымъ мѣщечкомъ, кричала еще издали Вѣра Кирилловна. Ой! Дайте присѣть! Уморилась...

— Что такое? Что случилось? Расскажите!

Лица дамъ разгорѣлись, съ жаднымъ любопытствомъ обступили онъ Вѣру Кирилловну.

— Да свадьба-то! Сонечкина свадьба! Разошлась!

— Мы это знаемъ! Слышали! разочарованно протянула Софья Антиповна. Я думала, что-нибудь другое!

— Нѣть, какова? Отказалась Быкову, такому милому, молодому человѣку!

— Не она отказалась, онъ ее бросилъ! Вы не такъ слышали!

— Помилуйте! Мнѣ ея мать сейчасъ говорила. Вѣ лавочкѣ встрѣтились... „Моя-то, говоритъ, слава Богу, за умъ взялась, отказалась! Я, говоритъ, всегда была противъ этой свадьбы, онъ ей не пара“.

— Ахъ, нахальство какое! Ловили, ловили Быкова, а теперь—не пара“.

— Нѣть, нѣть! Онъ самъ отказался. Увидалъ, что пустая кокетка, ни къ чему не пріучена, куда же такая жена?

— Говорятъ, она охладила къ Быкову съ тѣхъ поръ, какъ за ней стала ухаживать Валковскій... Что-жъ, это было бы подходящее дѣло!

Заплышилъ жиромъ глазки директорша точно нечаянно скользнули по лицу Вѣры Кирилловны.

— Что вы! Съ чего вы взяли! Станетъ Валковскій ухаживать за какой-нибудь Сонечкой! Умный, серьезный, начитанный человѣкъ! Да онъ всегда избѣгаетъ общества молодежи...

Безъ того румяное лицо Вѣры Кирилловны пытало огнемъ негодованія.

— Я сама слышала, какъ Сонечка

М. М. Колибаба.

Земской начальникъ Бендерскаго уѣзда, выкосявший гимназию для мѣстечка Комратъ.

М. М. Колибаба косить.

смеялась надъ тѣмъ, что Валковскій въ нее влюбленъ. „Пусть, говоритъ, сперва вычистить ногти да одѣнется поприличнѣе, тогда я, быть можетъ, и посмотрю на него“, — съ наивнѣйшимъ видомъ замѣтила Софья Антиповна.

— Удивительно дерзкая и глупая дѣвчонка!

Вѣра Кирилловна первно обмахивалась мѣщечкомъ, не замѣчая, что крупна сиплется ей на колѣни.

— Сами виноваты, mesdames,—вмѣшилась директорша.—Сколько разъ я предупреждала, что такихъ людей не слѣдуетъ слишкомъ баловать, а вы—

— „Сонечка да Сонечка“! Вотъ она и считаетъ себя равной съ вами.

Директорша круто оборвала свою рѣчъ, замѣтивъ подходившую по дорожкѣ горничную съ кофейнымъ приборомъ.

— Mesdames! Кофейку! Софья Антиповна, вы любительница! Зинаида Алексѣвна, со свѣжими булочками! Дуня, еще чашекъ!

— Удивительная у васъ булочки, Анна Ильинишина! У Филиппова такихъ не найдешь.

Суббота, 15-го Августа 1909 года.

— А вы знаете, вчера къ новому бухгалтеру, какъ-то, все фамилию забыла, жена пріѣхала.

Зинаида Алексѣвна махнула рукой. Она быстро прожевала кусочекъ булки и тогда только перебила своимъ звонкимъ голосомъ:

— Какая жена! Я нарочно справилась у Штирмана. Вѣдь, всѣ паспорта проходятъ черезъ его руки, онъ положительно утверждаетъ, что бухгалтеръ—холостой.

— Ну, вотъ! А будеть выдавать за жену. И знакомъся со всякой дрянью!.. Право, надо бы согласиться и дать отпоръ.

— Конечно. Анна Ильинишина, можно еще чашечку? Такой чудный кофе! Я, знаете ли, не корчу строгую моралистку, но всему есть границы, вѣско сказала Вѣра Кирилловна и повела сердитымъ взглядомъ въ сторону ядовито улыбавшейся докторши.

Та тотчасъ оправилась и съ серьезнѣйшимъ лицомъ поддакнула.

— Совершенно съ вами согласна. Но какъ быть? Они придутъ, и мужъ потребуетъ, чтобы я отдала визитъ.

У него такие странные взгляды!

— Мужъ, вообще, снисходительны къ чужимъ женамъ и строги къ своимъ. Надо такъ сдѣлать, чтобы эта особа и не пыталаась знакомиться.

— Кто же возьметъ это устроить?

— Написать ей можно. Анонимно, конечно! Предупредить, чтобы не ставила себя въ неловкое положеніе. Анна Ильинишина, вы такъ умѣете всякое дѣло... тонко, деликатно, чтобы не обидѣть... Вотъ, вы взялись бы!

— Что-жъ! Я не отказываюсь. Если этимъ можно избавить отъ непрѣятности, я обдумаю... обсуджу...

— Что это няня Жоржика гулять не выноситъ? Вѣрно ему опять нехорошо! Надо пойти, посмотретьъ...

— Полноте тревожиться, Софья Антиповна! Вы и такъ исхудали. Надо же и о себѣ заботу имѣть. Нельзя все только дѣтъ да дѣти!..

— Мужъ и то постоянно меня

упрекаетъ, что я мало заботуюсь о Жоржикѣ, увѣряетъ, что онъ оттого такои хилый, что я его сама не кормила.

— Слушайте больше мужей! Они на-раскажутъ! Я тоже не кормила, а всѣ четверо крови съ молокомъ.

Вѣра Кирилловна откинулась на спинку скамейки и размѣялась до-вольнѣмъ, жирнымъ смѣхомъ.

— Что ни дѣлай—мужу не угодишь! равнодушно замѣтила она.

Протяжный, печальный гудокъ за-валъ, задребезжалъ и долго тянулся въ воздухѣ его пронзительно-унылый звукъ.

— Двѣнадцать часовъ! проговорила Зинаида Алексѣвна, потягиваясь, зѣвая и заламывая руки. Цѣлыхъ два часа до обѣда!.. Господи! Скука какая!

Кофе былъ отпитъ. Пустыя чашки, закапанныя салфеточки, крошки булокъ въ безпорядкѣ нагромождались на подносѣ. Было жарко, не хотѣлось ни двигаться, ни говорить...

А кругомъ, въ лѣсу, въ полѣ, шла безпокойная, радостная, весенняя жизнь. Слышалось призвывное чириканье птицъ, въ вѣтвяхъ копошились бѣлки, въ тра-

Суббота, 15-го Августа 1909 года.

вѣ ползали тысячи насыпныхъ, грачи громко кричали на своихъ плоскихъ, растрепанныхъ гнѣздахъ. Летали бабочки, пчелы жужжали, и веселымъ ворчаньемъ доносился шумъ воды съ мельницы. Все звало къ жизни, къ труду, къ свѣтлымъ заботамъ, къ жизнѣ, нѣжной любви.

М. Межакова.

СМѢСЬ.

Желѣзная дорога на Монбланъ.

На прошлой недѣлѣ открыта первая часть желѣзной дороги, ведущей на Монбланъ, самую высокую гору въ Европѣ. Съ небольшой желѣзодорожной станціи, на которой въ день открытія царило особенное оживленіе, вышелъ первый поѣздъ, медленно подвигавшійся по трудной дорогѣ. Нѣсколько лѣтъ работали техники надъ различными проектами, наконецъ, приступили къ выполнению смѣлого замысла. Сначала хотѣли прямо отъ подножія горы вести дорогу внутрь ея до самаго верха и съ такимъ разсчетомъ построить путь, чтобы онъ могъ функционировать цѣлый годъ, слѣдовательно, и зимой. Но, разсмотрѣвъ всѣ мельчайшия детали этого проекта, предприниматель постройки, Дюпорта, рѣшилъ дорогу провести по поверхности горы, отъ чего, понятно, туристы только выиграютъ, потому что теперь они могутъ изъ оконъ вагона любоваться чудной панорамой. Для прокладки выбрана сторона, обращенная къ югу,—здѣсь растетъ лѣсъ и нѣтъ снѣга. На самомъ верху снѣга таютъ быстро, такъ что желѣзной дорогой туристы могутъ пользоваться съ апрѣля по сентябрь. Въ настоящее время дорога проведена до высоты въ 1,700 метровъ. Работы по дальнѣйшему проведению дороги уже начаты. Остальная часть линіи представляетъ большія затрудненія для рабочихъ. На высотѣ, 2,230 метровъ начнется тоннель, который съ однимъ только перерывомъ доходитъ до самой вершины Монблана.

Павильонъ Алафузовскихъ заводовъ.

лограммовъ 137 граммовъ, т.-е около фунта въ день. Докторъ Пэнни намѣревается повторить свой опытъ и голодать до тѣхъ поръ, пока голодъ не дастъ себя серьезно почувствовать.

Оригинальная периодическая издания.

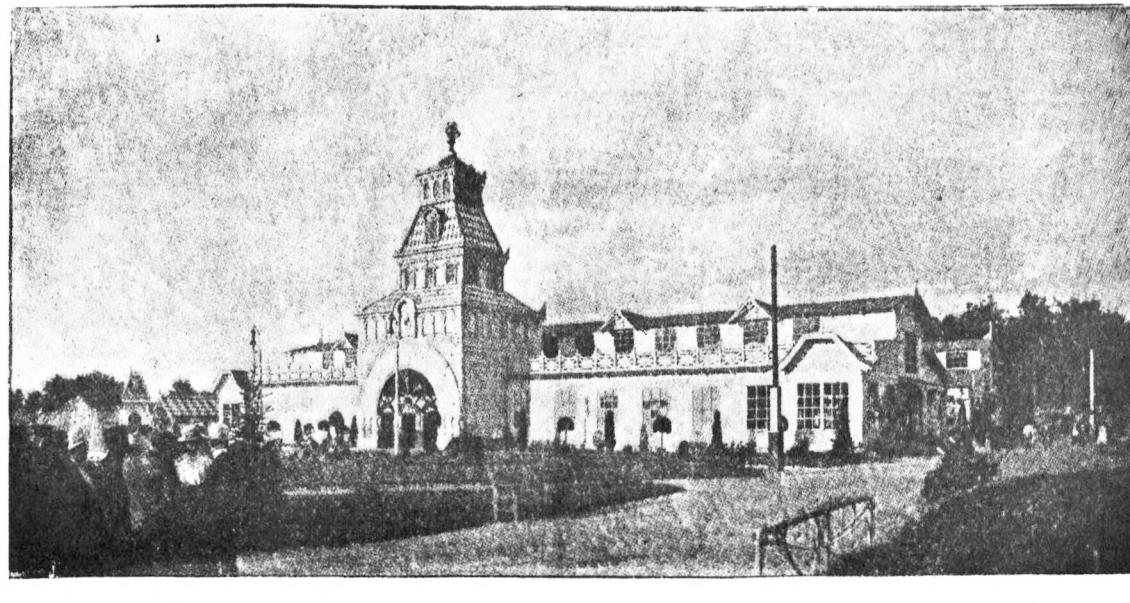
Среди 70,000 выходящихъ на всемъ свѣтѣ газетъ и журналовъ есть такие, которые заслуживаютъ вниманія по своей необыкновенности.

Напр., въ Баваріи, въ городкѣ Шпальтъ, выходитъ газета подъ на-зываниемъ: „Armer Heinrich“. Сотрудники его—бродяги и мошенники, а редакція обращается съ просьбой къ тайнымъ агентамъ всего міра присы-латать статьи. Интересныя иллюстраціи дополняютъ экцентричность содержа-нія. Въ буквальномъ смыслѣ слова подземная газета подъ назв. „Kret“ выходитъ въ Лондонѣ—исключительно для пассажировъ подземной желѣзной дороги. „The Atlantic Daily News“ выходитъ на палубѣ огромного парохода „Америка“. Выходить ежедневно, даетъ депеши, пересылае-мыя безпроволочнымъ телеграфомъ, а также пароходную хронику.

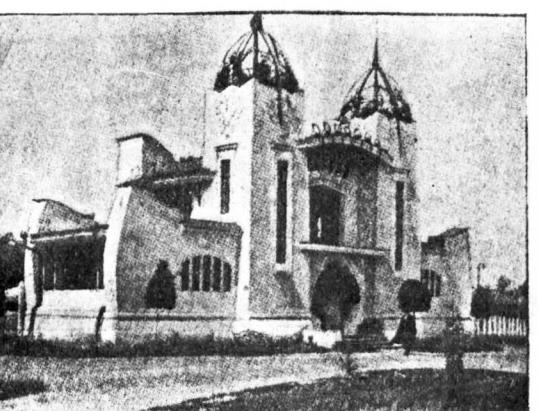
Въ Америкѣ выходитъ газета для слѣпыхъ. Прежде выходилъ „Courier des Baigneurs“, печатавшійся на не-промокаемой бумагѣ, для чтенія въ купальняхъ. Къ этой-же категоріи при-надлежала „Grand Journal“, служив-

ю южный край.

КАЗАНСКАЯ ВЫСТАВКА.

Общий видъ главнаго отдѣла.

Павильонъ—бутылка.

шій послѣ чтенія салфеткой. „Giornale pro fumatori“ печатался на папиро-ной бумагѣ. А въ газетѣ „Luminaria“ были свѣтлѣющіе буквы, такъ что ее можно было читать ночью. Наконецъ, каждому изъ подписчиковъ газеты „Bien-Être“ обѣщаны были черезъ 30 лѣтъ пожизненная пенсія и похороны за счетъ редакціи. Къ несчастью, че-резъ мѣсяцъ эти надежды вмѣстѣ съ газетой разлетѣлись въ прахъ.

Самоубіство на воздушномъ шарѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ жители села Бретонъ, въ Бретань, увидѣли большой воздушный шаръ, медленно опускавшійся на землю. Изъ лодки шара свѣшивалось тѣло женщины. Крестьяне побѣжали за шаромъ, и въ скоромъ времени имъ удалось схватить за канаты и притянуть шаръ къ землѣ. Рядомъ съ трупомъ женщины на днѣ лады лежалъ трупъ молодого человѣка.

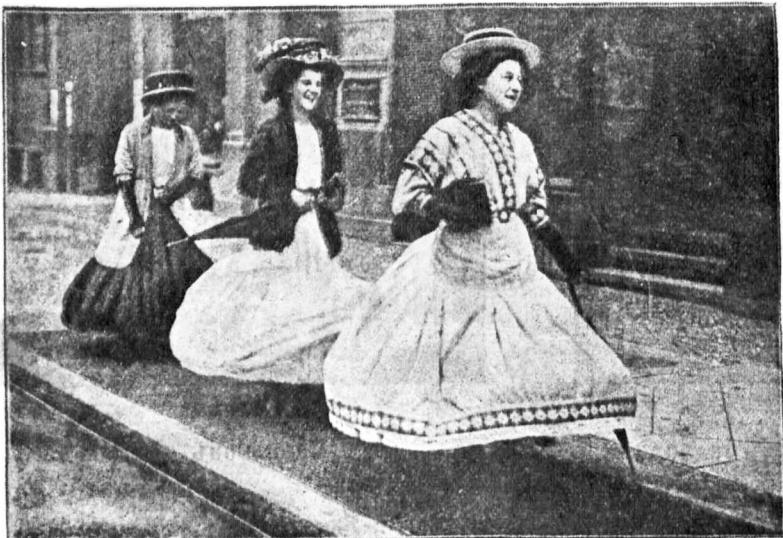
Увѣдомленная о таинственномъ про-исшествіи, полиція вскорѣ открыла, что это трупъ сына извѣстнаго фран-цузскаго аэронавта, бар. Флери. Молодой баронъ Флери недавно влюбил-ся въ дѣвушку мѣщанку. Когда отецъ Флери не согласился на бракъ сына съ мѣщанкой, влюбленные рѣшили умереть и избрали мѣстомъ самоубийства воздушный шаръ.

Портъ Канея и его флаги.

Въ глубинѣ греческій флагъ, поднятый на зданіи таможни; слѣва—на минаретѣ—красный флагъ съ надписями изъ корана, поднятый муэдзиномъ въ знакъ протеста; справа англійскій флагъ на зданіи консульства; еще правѣе—французскій флагъ на французскомъ консульствѣ.

Уличныя сцены въ Берлинѣ.

Подземная жел. дорога въ Берлинѣ снабжается воздухомъ щедре, чмъ парижскій Мэтрополитэнъ. Вентиляторы, доставляющіе туда воздухъ, довольно многочисленны. Они устроены на тротуарахъ и ни чмъ не ограждены отъ публики. Но эти вентиляторы—предательские аппараты, и особенно въ первое время нѣрѣдко были случаи, когда порывы вѣтра изъ вентиляторовъ выскакивали пытаясь прокрасть дамъ. Зимо эта вентиляторы станутъ средствомъ для согреванія бѣдняковъ.

Вулканы на Явѣ и Суматрѣ.

Съ смѣлой и чрезвычайно интересной теоріей происхожденія вулкановъ на островахъ Явѣ и Суматрѣ выступилъ недавно нѣмецкій ученый Вольцъ. На этихъ островахъ сила вулкановъ увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ континента; число ихъ на одинаковой поверхности больше на Явѣ, чмъ на Суматрѣ, и притомъ больше на югѣ Суматры, нежели на сѣверѣ. На Явѣ есть громадные вулканы недавняго происхожденія, которые высятся на 3000 метровъ. На Суматрѣ вулканы до 2000 метровъ попадаются только на югѣ, а на сѣверѣ до 1000 метровъ. При изученіи горъ невулканическаго происхожденія, образовавшихся изъ складокъ древнихъ утесовъ, оказалось что, наоборотъ, горы на сѣверѣ Суматры поднимаются до 2500 метровъ, въ центрѣ острова не болѣе 1200 метр. На Явѣ онѣ вообще незначительны. Можно предположить, что погруженіе Явы больше погруженія Суматры на

2500 метровъ. Берега Малезіи погружаются больше въ воду по мѣрѣ удаленія отъ континента, а вулканизмъ увеличивается по мѣрѣ погруженія. Вольцъ изъ этого дѣлаетъ выводъ, что вулканы Явы и Суматры стоять въ связи съ осѣданіемъ дна Индійскаго океана; всѣ земныя складки, такимъ образомъ, являются только послѣдовательными вторичными явленіями этого грандіознаго осѣданія.

Гистологическое строеніе египетскихъ мумий.

Александрийскому гистологу Руфферу при изученіи гистологического строенія кусковъ мумий удалось получить препараты кожи, гладкихъ и плоскихъ мышцъ, сосудовъ желудка, печени, тестикулъ, грудной железы, костей, кишечника и кишечныхъ железокъ, почекъ и почечныхъ гломерулъ. Новыя изысканія дадутъ, безъ сомнѣнія, возможность распознавать грубые поврежденія тканей, какъ, напримѣръ,

при циррозѣ, ракѣ, туберкулезѣ и т. д. и ставить вѣроятные диагнозы причинъ смерти на протяженіи трехъ тысячъ лѣтъ.

Затвердѣніе тканей, взятыхъ съ мумій, давность которыхъ считается болѣе чмъ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова, таково, что примѣнить микротомъ невозможно. Поэтому Руфферъ сначала размачивалъ подлежащія изслѣдованію кусочки муміи въ растворѣ изъ 100 ч. алкоголя, 150 ч. воды и 60 частей пятипроцентнаго содового раствора. Послѣ размачиванія кусочекъ подвергается дѣйствію алкоголя въ 30 градусовъ, затѣмъ кладется въ чистый спиртъ и наносится на парафинъ обычнымъ способомъ. Окрашиваніе производится тоже обыкновеннымъ способомъ. Вымачивание въ растворѣ щѣдкаго калия 1 : 1000 даетъ возможность различать вполнѣ явственно мышечные волокна.